

Е.Д. Поливанов о китайском и японском языках**В.М. АЛПАТОВ**Институт языкознания РАН
Москва, Россия

DOI: 10.17816/WMO77362

Статья поступила в редакцию 12.06.2021.

Аннотация: В 1930 г. Е.Д. Поливанов опубликовал в соавторстве китайскую и японскую грамматики. В обеих грамматиках он предложил оригинальные подходы, но они были различными для этих языков. В японской грамматике он подчеркивал особую роль слога и оценивал все несамостоятельные грамматические элементы как аффиксы; однако он рассматривал те же единицы, что в «обычных языках»: фонемы, морфемы, слова, предложения. Его подход к китайскому языку был совершенно другим: Поливанов считал основными единицами китайского языка слоги и инкорпорации вместо фонем, слов и предложений, отрицал принципиальное различие морфологии и синтаксиса в этом языке.

Ключевые слова: Поливанов, китайский язык, японский язык, фонема, слог, грамматика, морфология, слово, предложение, инкорпорация.

Для цитирования: *Алпатов В.М.* Е.Д. Поливанов о китайском и японском языках // Письменные памятники Востока. 2021. Т. 18. № 3 (вып. 46). С. 179–186. DOI: 10.17816/WMO77362

Об авторе: АЛПАТОВ Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, академик РАН, главный научный сотрудник Института языкознания РАН (Москва, Россия) (v-alpatov@ivran.ru).

© Алпатов В.М., 2021

Выдающийся ученый Евгений Дмитриевич Поливанов был полиглотом и в той или иной степени занимался большим количеством языков. Однако особое место в его научном творчестве занимали языки Дальнего Востока, прежде всего китайский и японский, в изучение которых он внес значительный вклад.

Безусловно, японским языком Поливанов занимался больше, о нём он писал в самые разные периоды своей деятельности. Обучаясь на историко-филологическом факультете Петербургского университета, он одновременно состоял в японском разряде Восточной практической академии, где изучал японский язык под руководством Д.М. Позднеева. По окончании обоих учебных заведений он в течение нескольких лет был сосредоточен на японистике. В 1914, 1915 и 1916 гг. он трижды ездил в Японию, где вел полевые исследования японских диалектов, а с 1915 г., когда ему было всего 24 года, стал приват-доцентом восточного факультета университета, к тому

времени именовавшегося Петроградским. Японскому языку было посвящено большинство его ранних публикаций, включая книгу «Психофонетические наблюдения над японскими диалектами» (1917); в это же время Поливанов разработал практическую кириллическую транскрипцию для японского языка, используемую до сих пор. Позже он значительно расширил объекты своих исследований, но не оставлял никогда японский язык и рассматривал его материал вплоть до последней прижизненной публикации 1937 г.

Китайским языком ученый стал заниматься позже, уже в советское время. Он не был дипломированным китаистом в отличие от своих сверстников Н.И. Конрада и Н.А. Невского, которые кончали китайско-японский разряд восточного университета (в Практической академии был японский разряд), в Китае бывал лишь проездом в Японию. Ряд вопросов (полевые исследования диалектов, генетические связи) Поливанов изучал для японского, но не для китайского языка. Правда, он имел такой источник знакомства с китайским языком, как общение с «красными китайцами», которыми он одно время командовал в годы Гражданской войны. Китаистических публикаций у него намного меньше, чем японистических. Но главные его труды по этим двум языкам однотипны: это грамматики современного литературного (стандартного) языка, выполненные в соавторстве.

Обе грамматики вышли в 1930 г., но написаны были не позже лета 1929 г., когда Поливанов был вынужден покинуть Москву и переехать в Самарканд. Он не был выслан, как иногда ошибочно пишут, но переезд был спровоцирован травлей, которая обрушилась на ученого после выступления против Н.Я. Марра в феврале того же года. Евгений Дмитриевич рассчитывал, что в Узбекистане, где в 1920-е годы он пользовался авторитетом, ему будет легче, что не оправдалось. Но обе грамматики всё же издали.

Соавторы Поливанова были очень разными людьми. Японист Олег Викторович Плетнер, для которого публикация грамматики была посмертной (он умер в марте 1929 г.), хотя не был учеником Евгения Дмитриевича в прямом смысле (они были почти ровесниками), но находился под сильным его влиянием. Многие в его подходах совпадают с тем, что мы видим у Поливанова, хотя есть и отдельные различия (см.: Алпатов 1988: 69–73). А профессор Алексей Иванович Иванов (как и Поливанов, погиб в годы репрессий) принадлежал к старой, дореволюционной школе японистов и писал независимо от своего соавтора, который был моложе его на тринадцать лет. Видимо, они с самого начала не имели общих позиций и не учитывали взглядов друг друга; лишь некоторые вопросы один из соавторов передавал другому, например, Поливанов уступил Иванову всё, что касалось письменности. В японской грамматике, пишет Поливанов, «существование научных и школьных фактов, поразному трактуемых одни и те же языковые факты, — нелепость» (Плетнер, Поливанов 1930: III). Но в китайской грамматике ему пришлось по каким-то причинам с этим смириться (подробнее о различиях подходов двух авторов см.: Алпатов 2014). В китайской грамматике тематика двух авторов более или менее сходна, а в японской грамматике при сходных в основном общих подходах различается тематика.

В грамматике Плетнера и Поливанова последнему принадлежат краткое введение, вводный раздел «Морфология словоизменения» (Плетнер, Поливанов 1930: XV–XXXV) и заключительная часть, посвященная фонологии и акцентуации; между ними идет самый пространственный раздел «Грамматика» Плетнера (Там же: 1–143); разделы разных авторов имеют разную нумерацию. В китайской грамматике до с. 35

общей нумерации идет текст Поливанова, затем разделы Иванова и начиная со с. 199 — опять текст Поливанова.

Далее рассматриваются лишь разделы, написанные Поливановым. В них говорится о языках, которые при географической близости и многовековых контактах имели и имеют значительные структурные различия, которые, как считал Поливанов, требуют разных исследовательских подходов. Об этих подходах и будет идти речь в данной статье.

Что касается звукового строя языков, то для обоих языков строго разграничены описания сегментной фонологии и акцентуации. Центральным для сегментной фонологии в японской грамматике было понятие фонемы, разработанное учителями Поливанова И.А. Бодуэном де Куртенэ и Л.В. Щербой. Строго разграничиваются фонетика и фонология, которая вслед за Бодуэном рассматривается как психофонетика (уже в 1930-е годы Н.С. Трубецкой и Р.О. Jakobson критиковали Поливанова за устаревшее, по их мнению, психическое понимание фонемы). При этом при выделении фонем учитываются и критерии звукового сходства, поэтому, например, *m* и *ɲ* трактуются как разные фонемы, несмотря на то что они находятся в дополнительной дистрибуции (*ɲ* перед *ɯ*, *m* в других случаях). Используется критерий системности, исходя из него выделяется очень существенное для японского языка и проходящее через всю его систему согласных противопоставление твердых и мягких фонем (ср. менее системный подход в англоязычной японистике: Алпатов 2008). На основе данных критериев рассматриваются фонемы стандартного японского языка, в некоторых случаях производится сопоставление с системами изучавшихся Поливановым диалектов. Строго системный подход он применял еще в ранней статье о транскрипции.

Сегментная фонология для японского языка описана на основе тогдашних передовых теорий, и подход ученого здесь в большинстве случаев не отличается от тех подходов, которые были к тому времени приняты для русского, романских, германских и многих других языков; какая-либо специфика для японского языка не присутствует. Однако иначе обстоит дело, когда Евгений Дмитриевич доходит до структуры слога. Обычно в очерках фонологии европейских языков такой раздел вообще не выделялся, но здесь ему уделено значительное внимание, поскольку структура слога в японском языке намного строже. Ученый указывает на невозможность за редкими исключениями закрытых слогов и сочетаний согласных и на ограничения в позиции фонем в слоге. Он как представитель психофонетики не ограничивается констатацией фактов, но выделяет психологические причины такой структуры: в японском языковом мышлении звуки осознаются не сами по себе, а как «элементы слогапредставлений» (Плетнер, Поливанов 1930: 148). О том, что именно Поливанов на японском (а также китайском, см. ниже) материале установил фонологическую роль слога, писали Р. Jakobson, Г. Халле, В.В. Иванов и др. И такой факт: в экзаменационные билеты японских студентов по языкознанию включается вопрос о том, кто из лингвистов совершил какое открытие; Поливанов обозначается как открыватель законов слога (Gengo 1979: 12).

Однако возникает вопрос: что считать слогом в японском языке? В данной грамматике Поливанов пользуется понятием *слог*, хотя еще в ранних работах 1910-х годов он указывал, что «слогапредставление» японцев связано не со слогом в обычном смысле, а с более краткой единицей, которую сопоставил с морой в древнегреческом и латинском языках. Это либо отдельный гласный, либо сочетание согласного и краткого гласного, тогда как вторые компоненты долгих гласных и дифтонгов, а так-

же конечнослоговые носовые согласные рассматриваются традицией как отдельные единицы. Именно с морями соотносятся, как правило, знаки японских азбук, а понятие звука в европейском смысле появилось лишь под западным влиянием.

Иначе дело обстоит с китайским языком. В самом начале грамматики Поливанов пишет: «Существеннейшим отличием китайского языка от европейских языков... является принцип различия в количественном (а также и в качественном) характере элементарных единиц китайского языкового мышления, соответствующих нашим (т.е. европейским, в частности русским и т.д.) представлениям *звука языка, слова и, наконец, предложения и фразы*. Строго говоря, точного соответствия нашим единицам языкового мышления... в современном китайском языке не существует» (Иванов, Поливанов 1930: 3). Европейские фонемы способны ассоциироваться со смысловыми представлениями независимо от позиции, китайские нет. В европейских языках слова формируются из звуков, а в китайском языке из слогов. И это именно слоги; показательно, что они считаются слогами и в европейской китаистике. Слоги имеют строгую структуру, внутри их не допускаются чередования.

Если в японском языке (как и в европейских) нет жестких правил соотношения между морей и слогом, с одной стороны, и морфемой, с другой, то в китайском языке общим правилом является совпадение слога и морфемы. Единицы, соответствующие фонемам, выделить возможно, но они не могут ассоциироваться с какими-нибудь значениями; если в европейских языках есть *звукопредставления*, то в китайском языке имеются *слоγοпредставления* (Иванов, Поливанов 1930: 7).

Таким образом, если для японского языка Поливанов хотя и отметил особенности, связанные со «слоγοпредставлениями», но сохранял подход, основанный на понятии фонемы, то для китайского языка анализ строится принципиально на других основаниях.

Еще больше различий в подходе к грамматике, и опять для китайского языка подход больше расходится с европейской традицией, чем для японского языка. Во времена Поливанова грамматика понималась как сочетание морфологии и синтаксиса, но при этом морфология была развита намного детальнее. Игнорирование синтаксиса было распространено даже у крупнейших ученых, а структурные методы в это время вырабатывались на фонологическом и морфологическом, но не синтаксическом материале; ситуация кардинально изменится лишь во время «хомскианской революции» в 1950–1960-х годах. В России, впрочем, в начале XX в. существовал интерес к синтаксису и появился ряд значительных работ, например, таких авторов, как А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, М.Н. Петерсон, но они вышли не из школы, к которой принадлежал Поливанов.

Однако и здесь Поливанов подходил к двум языкам по-разному, и опять-таки для китайского языка разрыв с традицией существеннее. Для японского языка набор единиц грамматики вполне традиционен. Особенно он выглядит таким сейчас, поскольку в те времена не всегда морфема бывала исходным пунктом морфологии, но к 1930 г. и это уже стало достаточно распространено. И выделение в качестве основных единиц морфем, слов и предложений распространялось на все языки. Но Поливанов сосредоточен на морфологических свойствах слов японского языка, а о синтаксисе в книге имеется лишь краткий раздел, написанный Плетнером. Вообще среди сохранившихся работ Поливанова по синтаксису нет ничего.

Подход Евгения Дмитриевича к японскому языку последовательно морфологичен. Все морфемы делятся на основе их значения и возможности самостоятельного упот-

ребления на лексические и формальные, а слово понимается как сочетание лексической морфемы (или морфем в случае композитов) с примыкающими формальными. В ранней книге «Психофонетические наблюдения над японскими диалектами» Поливанов обосновывал аффиксальный характер падежных и других грамматических показателей их акцентуационной несамостоятельностью, но в рассматриваемой здесь грамматике главное — способность быть потенциальным минимумом фразы, а акцентуация оценивается как дополнительный признак (Плетнер, Поливанов 1930: 144–146). Данное определение слова сходно с тем, что в те же годы предлагал Л. Блумфилд. Показательно полное отсутствие в написанной им части грамматики каких-либо служебных слов (в части, написанной Плетнером, они есть, хотя их очень немного, здесь появилась несогласованность позиций авторов).

Морфологический подход использован и при выделении частей речи. Их у Поливанова всего три: имя, глагол, прилагательное (Плетнер, Поливанов 1930: XXIX–XXII), хотя в периферийные классы могут быть выделены еще звукоподражания и междометия (но не наречия: это имена с дефектной парадигмой) и тем более местоимения, выделяемые лишь чисто семантически. То есть части речи определены исключительно на основе их словоизменения. Подход Поливанова к выделению слов и частей речи был оригинален и резко отличался от того, что уже к тому времени было принято и в японской лингвистике, и в западной, в том числе англоязычной японистике: там падежные и другие приименные показатели принято считать отдельными служебными словами. Представляется, что эти идеи (как и вышеупомянутые идеи о наличии в японском языке мягких согласных) тоже базировались на «звукопредставлениях» и «словопредставлениях» носителя русского языка, для которого словоизменение — норма морфологии (а мягкие согласные хорошо известны, что не свойственно носителям, скажем, английского языка). Идеи об именном словоизменении после Поливанова были широко распространены в отечественной японистике до 1960-х годов, но затем большинство наших японистов их отвергли.

Однако общий подход к японской грамматике у Поливанова в целом соответствует привычной традиции: слова состоят из лексических и формальных морфем, предложения состоят из слов, среди частей речи выделяются имена, прилагательные и глаголы. Нетривиальные идеи вроде отрицания служебных слов имеют более частный характер.

Иначе обстоит дело с китайским языком. Здесь оригинальный подход основывается на уже упоминавшейся особой роли слога, которой нет, например, в русском или английском языке, где морфема и слог часто не совпадают по границам, а «слоговые комплексы» трудно выделять и практически невозможно подсчитать. В китайской традиции все слоги были подсчитаны задолго до ее европеизации. Если морфема, как правило, равна слогу, то норма следующей по рангу единицы в современном языке — двуслог. Односложные единицы того же порядка существуют, но теперь (в отличие от древнего языка) представляют собой аномалии. Еще одна особенность китайского языка связана с тем, что словосложение (композиция) преобладает в двуслогах над аффиксацией. С точки зрения Поливанова, хотя двуслоги часто соответствуют словам других языков, но далеко не всегда: объектно-предикатные комплексы, которые в русском или японском языке являются словосочетаниями (каждый их член требует отдельного грамматического оформления), — такие же двуслоги. Более того: таковы и субъектно-предикатные сочетания, соответствующие в других языках предложениям. Поэтому ученый предложил называть двусложные единицы не *словами*,

а *инкорпорациями* (Иванов, Поливанов 1930: 8); этот термин не следует смешивать с инкорпорациями в типологии. Отдельность инкорпораций подтверждается акцентуационными критериями.

Таким образом, для китайского (но не для японского) языка предлагается иное по сравнению со всей европейской традицией и с современной Поливанову лингвистикой выделение основных грамматических единиц. Совпадают лишь морфемы, но подчеркивается специфическое для китайского языка совпадение их со слогами. А дальше «классификационные пороги не совпадают» (Иванов, Поливанов 1930: 8): инкорпорация может соответствовать и слову, и словосочетанию, и предложению (Там же: 8, 11). С другой стороны, словам соответствуют не только инкорпорации, но и менее распространенные сочетания с аффиксами, хотя в принципе «инкорпорации не нуждаются в аффиксации» (Там же: 202).

В связи с этим Поливанов нетрадиционно подходит и к разграничению морфологии и синтаксиса. Здесь его точка зрения несколько противоречива. С одной стороны, любые инкорпорации — морфология, а не синтаксис (Иванов, Поливанов 1930: 21). Но тут же сказано, что в этом языке «морфология и синтаксис сливаются в единстве» (Там же: 22). В японской грамматике традиционное разграничение двух частей грамматики не пересматривается, хотя, как уже упоминалось, синтаксические вопросы отданы соавтору. А в китайской грамматике мы видим принципиально другой подход.

В отношении частей речи Поливанов избегает полной их классификации, и подход не вполне ясен. Он отмечает, что «глагол мыслится как слово только в сочетании с другой частью инкорпорации» (Иванов, Поливанов 1930: 15), т.е. оказывается, что часть инкорпорации может быть и словом. Также отмечено сходство китайского языка с английским, где слово нередко может быть и существительным, и глаголом: *bridge — to bridge*. Однако в английском языке это — слова, а как в китайском? Мало сказано о характере последовательностей, которые более протяженны, чем инкорпорации; упомянуто лишь, что в китайском языке нет соответствия понятию сложного предложения (Там же: 12).

В заключительной части грамматики ученый подробнее описывает типы инкорпораций: субъектно-предикатные, объектно-предикатные, атрибутивно-именные, копулятивные и др. Подчеркнуто, что для китайского языка субъектно-предикатные инкорпорации не отличаются от других типов.

В целом многое в подходах Поливанова к китайскому языку оказалось слишком непривычным, и предложение заменить слово и предложение инкорпорацией не нашло поддержки у большинства китаистов, тогда же как его взгляд на японский язык, гораздо больше соответствующий представлениям лингвистов — носителей русского языка, нашел продолжение в отечественной японистике.

Итак, подход к двум языкам Дальнего Востока в одновременно написанных грамматиках Поливанова принципиально различен, что нельзя трактовать как отражение изменения взглядов ученого. Исходя из единых принципов, он по-разному подходил к языкам разного строя. При этом агглютинативно-флективный японский язык (в котором ученый выводил на первый план флективные черты) он описывал принципиально так же, как русский и другие «обычные» языки, а для изолирующего китайского языка предложил принципиально новую точку зрения.

Литература

- Алпатов 1988 — *Алпатов В.М.* Изучение японского языка в России и СССР. М.: Наука, ГРВЛ, 1988.
- Алпатов 2008 — *Алпатов В.М.* Сасими или сашими? Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 722–731.
- Алпатов 2014 — *Алпатов В.М.* Два века в одной книге // 44-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Том XLIV. Часть 1. М.: ИВ РАН, 2014. С. 524–540.
- Иванов, Поливанов 1930 — *Иванов А.И., Поливанов Е.Д.* Грамматика современного китайского языка. М.: Институт востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1930 (Труды Московского института востоковедения им. Н.Н. Нариманова, т. XV).
- Плетнер, Поливанов 1930 — *Плетнер О.В., Поливанов Е.Д.* Грамматика японского разговорного языка. М.: Институт востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1930 (Труды Московского института востоковедения им. Н.Н. Нариманова, т. XIV).
- Gengo 1979 — Gengo. Tokyo, 1979. № 9.

References

- Alpatov, Vladimir M. *Izuchenie iaponskogo iazyka v Rossii i SSSR* [The Studies of the Japanese Language in Russia and the USSR]. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1988 (in Russian).
- Alpatov, Vladimir M. *Sasami ili sashimi? Fonetika i nefonetika. K 70-letiiu Sandro V. Kodzasova* [Sasami or sashimi? Phonetics and Non-Phonetics. To the 70th Anniversary of Sandro V. Kodzasov]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury [Languages of Slavic Culture], 2008, pp. 722–731 (in Russian).
- Alpatov, Vladimir M. “Dva veka v odnoi knige” [Two Centuries in One Book]. In: *44-ia nauchnaia konferentsiia “Obzhectvo i gosudarstvo v Kitae”* [The 44th Scientific Conference “Society and State in China”]. Vol. XLIV. Pt. 1. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, 2014, pp. 524–540 (in Russian).
- Gengo. Tokyo, 1979, № 9 (in Japanese).
- Ivanov, Aleksei I., Polivanov, Evgenii D. *Grammatika sovremennogo kitaiskogo iazyka* [The Grammar of the Modern Chinese Language]. Moscow: Institut vostokovedeniia im. N.N. Narimanova, 1930 (in Russian).
- Pletner, Oleg V., Polivanov, Evgenii D. *Grammatika iaponskogo razgovornogo iazyka* [The Grammar of the Japanese Colloquial Language]. Moscow: Institut vostokovedeniia im. N.N. Narimanova, 1930 (in Russian).

E.D. Polivanov on Chinese and Japanese

Vladimir M. ALPATOV

Institute of Linguistics of RAS
Moscow, Russian Federation

Received 12.06.2021.

Abstract: In 1930 E.D. Polivanov published in co-authorship grammars of Chinese and Japanese. He proposed some original approaches in the both grammars but his approaches were different for these languages. In the Japanese grammar he emphasized the peculiar role of syllables and interpreted

all the not independent grammar units as affixes; however he considered the same units as in the “usual languages”: phonemes, morphemes, words, clauses. His approach to Chinese was quite different: Polivanov considered syllables and incorporations the basic units of Chinese instead of phonemes, words and clauses, denied the principal difference of morphology and syntax in his language.

Key words: Polivanov, Chinese, Japanese, phoneme, syllable, grammar, morphology, word, clause, incorporation.

For citation: Alpatov, Vladimir M. “E.D. Polivanov on Chinese and Japanese”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2021, vol. 18, no. 3 (iss. 46), pp. 179–186 (in Russian). DOI: 10.17816/WMO77362

About the author: Vladimir M. ALPATOV, Doctor of Letters, Professor, Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of RAS (Moscow, Russian Federation) (v-alpatov@ivran.ru).